
ЛИТЕРАТУРА, ОХВАТЫВАЮЩАЯ РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ

УДК: 482

ПЕТРОВА Т.Г.¹ НИЖЕГОРОДСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО СОЗДАТЕЛИ. (Обзор). DOI: 10.31249/lit/2021.01.18

Аннотация. Определение культурного и литературного кода Нижегородской земли является важной филологической проблемой, и нижегородский текст стал объектом литературоведческой рефлексии. Поиски духовного смысла, анализ эстетических систем в феномене нижегородского текста, его создатели рассматриваются в данном обзоре научных статей.

Ключевые слова: нижегородский текст; А.С. Пушкин; Болдинская осень; национальное самосознание; М.П. Погодин; религиозность; С.Л. Франк; П. Флоренский; М. Горький; И.С. Шмелёв; Е.Н. Чириков.

PETROVA T.G. Nizhny Novgorod text and its creators. (Review).

Abstract. Defining the cultural and literary code of the Nizhny Novgorod land is an important philological task, and the Nizhny Novgorod text has become an object of literary reflection. The search for spiritual meaning, the analysis of aesthetic systems in the phenomenon of the Nizhny Novgorod text, its creators are discussed in this review of scientific articles.

Keywords: Nizhny Novgorod text; A. Pushkin; Boldinskaya autumn; national identity; M. Pogodin; religiosity; S. Frank; P. Florensky; M. Gorky; I. Shmelev; E. Chirikov.

¹ **Петрова Татьяна Георгиевна** – старший научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Петрова Т.Г. Нижегородский текст и его создатели. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 183–194. – DOI: 10.31249/lit/2021.01.18

Определение культурного и литературного кода Нижегородской земли является важной филологической проблемой, и нижегородский текст становится объектом литературоведческой рефлексии. Поиски духовного смысла, анализ эстетических систем в феномене нижегородского текста, а также его создатели рассматриваются в данном обзоре научных статей.

В.Ю. Троицкий [13] обращается к творчеству Пушкина последнего десятилетия его жизни, отмечая особую полноту мировосприятия поэта и масштаб его пророчеств. В работе доказывается, что поздние произведения Пушкина не просто передают взгляды и настроения поэта, но показывают его отношение ко времени, истории, государству. Для творчества Пушкина характерно воплощение в художественных образах лучших национальных особенностей, ощущение связи человека с Богом. Автор подчеркивает, что Пушкин был убежденным монархистом, видевшим монархию с исторической и политической точек зрения наилучшей формой правления для России. В статье рассматривается ряд важнейших образов и понятий художественного творчества позднего Пушкина, открывающих широту его взгляда, проницательность его геополитических воззрений. В.Ю. Троицкий приходит к убеждению, что они могут быть поняты только с учетом православного мировоззрения автора. В работе отмечается органичная связь пушкинской мысли со святоотеческой традицией и выявляется важнейший смысловой акцент пушкинских поздних стихотворений. «Всё пушкинское творчество утверждает течение жизни по Божественному замыслу. Поэт осмысливает саму жизнь как служение Богу, его замыслу и его творению – человеку и человечеству» [13, с. 16].

Новый взгляд на итоги пушкинской Болдинской осени 1833 г. предлагает О.В. Богданова [2], которая, в отличие от предшественников, признает основным достижением «второй» Болдинской осени поэму «Медный всадник». Именно поэма, а не неоконченный вариант стихотворения «Осень», по мнению исследовательницы, следует рассматривать как посвящение ли-

цейскому братству в 1833 г. Анализ текста приводит О.В. Богданову к выводу о том, что «прямым» адресатом поэмы «Медный всадник» был лицейский друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер, а «основные события поэмы проецированы поэтом не только на наводнение ноября 1824 г., но и аллюзийно на мятеж декабря 1825 г.» [2, с. 121]. Проблема «маленького человека» применительно к поэме признается в статье нерелевантной.

Поэт прославлял Петра и Россию в лице и деяниях великого «державца полумира». Образ Евгения в поэме – «это образ-маска, образ-криптоним, в котором слились две сущности: бедный (случайный по сути) сумасшедший и высокий (тревожащий автора) безумец» [2, с. 124]. Так называемый «маленький герой», «маленький человек» Евгений – в нарушение сложившейся в литературоведении традиции – «как оказывается, никакого отношения к бунту против Петра и самодержавия не имеет. Это его “призрак”, его двойник, реальный прототип-прообраз вступает в идейный конфликт с самодержавием» [там же]. Природа «бунта-возмущения» Евгения (каждого из Евгениев), как показывает О.В. Богданова, оказывается глубоко различной. Поэма «Медный всадник» – это памятник *славы и трагедии*.

К природе и характеру комического в творчестве Пушкина, его смеховому слову обращается С.А. Дубровская [6]. Опора на теорию комического М.М. Бахтина при исследовании «Повестей Белкина» позволяет автору статьи выявить особую карнавално-смеховую выразительность всех уровней текста: от образов и мотивов до сюжетов.

Благодаря повествовательной модели: автор-издатель, собиратель – нарратор, рассказчики историй в повестях – замысел автора осуществлен не в его прямом слове, а с помощью чужих слов, определенным образом созданных и размещенных как чужие. «Важнейшей составляющей этого процесса стала карнавализация условно чужого слова, при которой серьезно сказанное слово (рассказчики) и серьезно пересказанное слово (Белкин) обретают черты смехового или превращенного в смеховое» [6, с. 127]. Заголовочный комплекс также «работает» на карнавальное восприятие историй. Традиционные темы («жизни и смерти», «любви и долга») получают в повестях карнавално-смеховую окраску; при этом «смерть в повествовании фактически лишена трагического

оттенка» [6, с. 128], а тема «любви и долга» развивается как «заключение невозможных ранее браков»: Мария Гавриловна и Бурмин («Метель»), Дуня и Минский («Станционный смотритель»), Лиза и Алексей («Барышня-крестьянка»). Во всех историях (исключение составляет «Станционный смотритель») тема брака озвучена смеховым словом. Другая важная карнавальная тема – тема переодевания (смена одежд – обновление) развивается в повести «Барышня-крестьянка».

«Включение литературного смехового слова, моделирование смеховых ситуаций, переигрывание известных сюжетов, намеки на комический потенциал “серьезных” жизненных историй рождают карнавализованный мир, позволяющий “прочитать” его в контексте европейской смеховой традиции» [6, с. 130].

Размышляя о нижегородском тексте у Пушкина, В.Ю. Белогонова [1] рассматривает и систематизирует исторические, биографические, ассоциативные и творческие «пересечения» А.С. Пушкина с Нижним Новгородом и Нижегородским краем.

Н.М. Ильченко [9] рассматривает повесть М.П. Погодина (1800–1875) «Васильев вечер» (1831), имеющую значение историко-культурного источника, и показывает, что в произведении, действие которого происходит накануне Нового года, значимы пространственные обозначения. Эта повесть – святочная история, завязка которой происходит в пространстве Муромского уезда, граничащего с Нижегородской губернией. Писатель начинает повесть с подробного описания густых сосновых муромских лесов. В таинственную ночь Васильева вечера гадающая героиня повести оказалась во власти злых духов. Занятая магическим гадательным обрядом, Настенька неожиданно увидела в зеркалах не суженого, а пробравшегося в дом разбойника, и стала невольной убийцей. «Фантастичность» сюжета повести связана с чудесным спасением героини, оказавшейся в «дремучем лесу», «густой чаще», месте обитания разбойников, к которым для отмщения она попадает. Повествователь описывает «путешествие» по муромским лесам сбежавшей от разбойников Настеньки, где сам лес помогает героине. «Природа представлена живой: она испытывает Настеньку», пейзаж «проникнут национальным духом, его описание восходит к фольклорной традиции» [9, с. 120]. «Присутствие духа спасает че-

ловека в минуту величайших опасений, и, пока человек дышит, до тех пор он может надеяться» [цит. по: 9, с. 119].

К создателям нижегородского текста принадлежит и С.Л. Франк (1877–1950). Т.Г. Петрова [11] анализирует восприятие мыслителем религиозного самосознания Пушкина. Философ был одним из первых, кто обратился к религиозным началам творчества поэта, в мирозерцании которого были гармонично взаимосвязаны исторические, политические, эстетические и религиозные взгляды. С.Л. Франк доказывает, что в богатом и глубоком содержании духовного мира Пушкина религиозное сознание играет первостепенную роль. Религиозный философ в своих работах выявляет и прослеживает три основные тенденции, определяющие духовный склад Пушкина: «склонность к трагическому жизнеощущению», «религиозное восприятие красоты и художественного творчества» и «стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудренности» [11, с. 152]. По словам С.Л. Франка, «языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин (как его определяет К. Леонтьев) вместе с тем обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа» [цит. по: 11, с. 157].

К сакральным топосам Нижегородской земли обращается И.А. Есаулов [7], который на основе выделения пасхального канона описывает существенные особенности русской ментальности. Материалом является опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», где «парафрастически трансформируется православная духовная традиция и фольклорная стихия», а соотношение земного и небесного по-разному осмысливается по ходу развертывания произведения, однако в его финале исследователь усматривает «реализацию пасхального соборного начала» [7, с. 64].

В конце оперы княжич Всеволод приглашает Февронию в церковь, и в этот момент Феврония вспоминает о сошедшем с ума Гришке Кутерьме и хочет послать ему письмо; она диктует его и описывает Китеж, который не пал, но скрылся, сообщает, что они не умерли, а продолжают жить в дивном граде. «Это письмо и символизирует возможность пасхального спасения для грешного мира», в том числе и для нераскаянных грешников [7, с. 69]. Однако, начиная с первых постановок оперы, полагает исследователь,

указание самого композитора на то, что письмо является кульминационным моментом всего ее образа, обычно игнорировалось, тем самым смысл призыва редуцировался и «соборное спасение, идея которая глубинно присуща русской православной традиции, посредством этой редукции для зрителей затемнялось» [7, с. 69].

Характеризуя продуктивность концептуальных взглядов о. Павла Флоренского на мысль, язык, «нераздельность музыки и сознания», доказывая методологическую значимость наследия мыслителя, Л.К. Оляндэр [10] указывает на важность «музыкального настроения» художника для понимания самой природы поэзии. «С учетом не утратившего своей актуальности опыта П. Флоренского», Л.К. Оляндэр доказывает «необходимость при анализе не только поэзии, но и прозы акцентировать специфику взаимодействия музыкального и речевого пластов текста в системе художественного целого для раскрытия в нем глубинных смысловых пластов, выявления диалектики столкновений внешних и внутренних впечатлений» [10, с. 173].

Поставив цель – осмыслить проблему визуализации урбанистического пространства в прозе М. Горького и на полотнах художников-живописцев XIX – начала XX в., В.Т. Захарова и А.А. Иванова [8] приходят к выводу, что эта визуализация была связана с авторской концепцией бытия. При этом «обнаруживаются черты несомненного типологического сходства философско-эстетических установок: основной мотив, сопрягающий различные произведения, связан, прежде всего, с постижением красоты города и мира, “вписанности” людского бытия в великую космическую панораму бытия, одухотворенной связи земного и небесного» [8, с. 353].

Образ внешнего мира у М. Горького – важная сфера авторского присутствия в тексте. Это относится и к образу города. Так, в повестях М. Горького «Трое» (1900) и «Детство» (1914) слияние в одном тексте «изнанки» и парадной части города (Нижний Новгород) «указывает на целостное восприятие мира Горьким»; образность пространства писатель «часто использует для психологизации, для изображения напряженной внутренней жизни его героев» [8, с. 354]. Художники, отмечают исследовательницы, по большей части пишут город таким, каким его видят, в первую оче-

редь, приезжие люди: им открывается вид на город с воды, вид ярмарки, города, всегда наполненного жизнью, красками, звуками. Такой парадный пейзаж наблюдают оба героя М. Горького – маленький Илья, приехавший с дядей из Керженца, и маленький Алеша Пешков, приплывший на пароходе из Астрахани.

Текстовые совпадения словесного образа Нижнего Новгорода в повести «Детство» сопоставимы с литографией К.П. Чаликова «Вид Нижнего Новгорода с северо-западной стороны. Первая часть» (1850-е годы), а сцена въезда в город в повести «Трое» соотносится с картинами К.Ф. Юона «Пристань на Волге. Нижний Новгород» (1912) и «Волжские пристани» (1911). Речь идет о типологическом сходстве видения города художником слова и живописцем.

В обоих повестях читатель знакомится с той средой, в которой будут жить и расти мальчики. Образ дома Кашириных в «Детстве» находит свое живописное подтверждение в иллюстрации Т.П. Радимовой «Дом Каширина» (1950). Автолитография В.А. Успенского «Сормовский завод» (1931–1934) также отчасти может восприниматься в качестве иллюстрации к повести «Детство», пишут В.Т. Захарова и А.А. Иванова. «Урбанистический пейзаж часто контрастирует с описанием естественного, природного мира, которое, как легкое дуновение свежего ветерка, появляется в повестях Горького» [8, с. 360]. В произведениях писателя визуализированы и образы других городов Нижегородского края: Арзамаса, Мурома, Балахны.

Структура конфликта в рассказе М. Горького «Нищенка» (1893) – в центре внимания Е.М. Дзюбы и Янь Сыцузинь [4]. Они рассматривают категорию *конфликт*, который в данном случае «осмысливается как художественное воплощение “правды” персонажа, “ситуации выбора”» [4, с. 312]. Структура конфликта в раннем рассказе Горького оформляется в русле классической традиции русской литературы: «ситуация выбора реализуется на 3-х уровнях развития конфликта – социальном, нравственном, философском» [4, с. 314]. Исследовательницы выявили наиболее значимые пространственные оппозиции текста, позволяющие проследить динамику центрального персонажа, звуковые и пейзажные образы, структурирующие специфическую «подсветку» смыслового поля конфликта с позиции героя и автора.

В рассказе «Нищенка» «М. Горький не только ставит героя перед необходимостью сделать выбор, отвечая на социальные, нравственные и философские вопросы, но и создает особый настрой, подсвечивая конфликтную ситуацию пейзажными, интерьерными зарисовками и звуковыми образами» [4, с. 317]. Так, например, *социальный уровень* конфликта соотнесен с городским пейзажем. Комфортное городское пространство, дома, стоящие на центральных улицах города, не разделяют сомнений героя, не позволяют Павлу Андреевичу усомниться в том, что с комфортом расставаться нельзя. Дома на улице, где живет Павел Андреевич, как бы осуждают его за то, что он решил взять на себя ответственность за судьбу нищенки. Звуковые образы, которые сопровождают эпизоды их встречи, также влияют на выбор Павла Андреевича.

«Суггестивный эффект звуков голоса и речи нищенки (“щебечет”, звенит ее “дискант”) двойственен. Звук ее голоса раздражает и одновременно пробуждает Павла Андреевича от прежнего уютного житья. Наступление разлада во внутреннем мире героя отмечает и звук часов. Если песни самовара свидетельствуют о безмятежности и гармонии, то звук часов заставляет задуматься, действуя, как и голос девочки, на героя как раздражитель» [4, с. 318]. Таким образом, конфликт в рассказе «Нищенка» проявлен в пейзажных и звуковых образах. Образ реки соотносит бытовое и бытийное; «являясь отправной точкой для развития конфликта, он организует первичное восприятие оппозиций *верх-низ, внутреннее-внешнее*, формирующих восприятие центробежности развития конфликта и внутренней сущности главного героя» [4, с. 319].

Историю домашнего журнала «Соррентийская правда», который выпускался в Сорренто в семье М. Горького, рассматривает О.В. Быстрова [3]. Всего было выпущено 4 номера, в его третьем номере были опубликованы «Анекдоты из быта русской провинциальной жизни», охватывающие воспоминания о людях Нижнего Новгорода. Заявленная в них тема позволяет сравнить тексты с художественными зарисовками из книги Горького «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924). С одной стороны, сам журнал «Соррентийская правда», в который вошли тексты Горького, спрятавшегося под псевдонимом «Осипа Тиховоева», являются свидетельством культурной жизни «русского Сорренто» и интересны как факты биографии и творческой рецепции. С другой стороны,

как отмечает О.В. Быстрова, они дополняют горьковские тексты, вошедшие в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания», «и дают возможности интерпретации как содержательной стороны, так и авторской позиции» [3, с. 306].

Анализируя дискурс Европа – Россия в рассказе И.С. Шмелёва «Родное» (1927), Л.А. Спиридонова [12] отмечает, что для писателя эта тема означала качественно новый период творчества: переход от антибольшевистских произведений и трагической эпопеи «Солнце мертвых» к светлым воспоминаниям о России. Герой рассказа профессор Кочин возвращается в Россию из Франции после 12 лет жизни в Европе.

Одна из центральных тем эмигрантского творчества Шмелёва – судьба России и ее будущее. В связи с этим, пишет исследовательница, понятно его обращение к дискурсу «Европа – Россия», чтобы на широком поле социально-политического и философского исследования выяснить истоки различия западноевропейского и российского менталитетов.

«В основе повествования (“рассказа в рассказе”) лежат реальные события, а дискурс “Европа – Россия”. Сопоставление и противопоставление своего, родного, и чуждого, европейского, происходит в процессе внутреннего монолога героя, дискурсивного знания и интуитивного чувства» [12, с. 208]. Сюжет рассказа внезапно обрывается на самом интересном месте: читатель так и не узнает, доехал ли Кочин до родного дома, успел ли проститься с умирающим отцом. «То, что нельзя определить словами, подсознательно ведет героя к мысли о величии России. Он понимает это, когда за окном вагона возникает Волга» [12, с. 210]. Возвращение героя на родину и его внезапное решение остаться в России *навсегда* происходит на площади небольшого уездного городка в день Пасхи, у Кочина появляется желание «стать своим в этом безудержном разгулье». В отличие от Европы, герой принимает Россию полностью, со всеми ее изъянами и колдобинами. Рассказ кончается многозначительной сценой: герой нанимает лошадей, чтобы доехать 40 верст до дома отца, но оказывается, что проехать невозможно: сильно разлилась река Ворюга и снесла переправу, отрезав деревни и усадьбы от мира, однако герой надеется на родной «авось». «Смысл рассказа можно определить как попытку показать, что русский человек никогда не станет настоящим евро-

пейцем, ибо он сам не может осознать, почему его так безудержно тянет на родину»; писатель «фактически создает смесь социально-политического и интеллектуально-духовного дискурсов», а «смысловое поле рассказа выстроено по типу соединения разных пластов художественного сознания, повторяющего развитие мыслей героя» [12, с. 211]. Внутренний диалог героя с самим собой и подспудно с автором, тонкий анализ духовного состояния Кочина, по мысли Л.А. Спиридоновой, создают особый настрой повествования, связанный с идеологической ориентацией самого писателя. «Повествователь-нарратор совпадает с автором не в конкретных жизненных деталях, а в свойствах души и складе характера», и потому «“Родное” – это не описание истории, бывшей с самим Шмелёвым, ибо его герой не автобиографичен, а *автопсихологичен*» [12, с. 212]. Использование психологии души как способа раскрытия дискурса «Европа – Россия» стало первым шагом на пути писателя к таким значительным произведениям, как «Богомолье» и «Лето Господне», заключает Л.А. Спиридонова.

Обращаясь к рассказу Е. Чирикова «Инвалиды» в контексте идейных поисков поколения рубежа XIX–XX вв., Й. Догнал (Чехия) [5] рассматривает тему «потери положительной жизненной энергии и дееспособности»; писатель, по мнению автора статьи, выстраивает два типа бывших сторонников прогрессивных народнических идей, «один из которых заканчивает свою жизнь в полном отчаянии от неудач и в общественной, и в личной сфере, а второй становится эгоистичным обывателем, неспособным помочь даже своему бывшему другу» [5, с. 367]. Сохраняя в большой мере приемы критического реализма, Чириков тематически принадлежит к писателям поколения рубежа XIX–XX вв., критически смотрящим на чисто умозрительные идеи народников, он «показывает их несостоятельность и провал, причем сосредотачивается на индивидуальных жизненных судьбах персонажей», – резюмирует Й. Догнал [5, с. 367].

Е.Е. Чириков (1936–2019) – внук писателя Е.Н. Чирикова (1864–1932) – с начала 1990-х годов занимался восстановлением творческого наследия своего деда, в 2000 г. в Минске впервые на постсоветском пространстве опубликовал известный в эмиграции роман «Зверь из бездны: Поэма страшных лет» (Прага, 1926), готовил и публиковал документы о жизни и творчестве писателя.

Книга Е.Е. Чирикова «Остановленное время» [14] – воспоминания о семье, детстве и юности.

Имя писателя Е.Н. Чирикова было забыто на родине. Его детство прошло на берегах Волги, ставшей, по словам писателя, одним из его первых воспитателей. В романе «Зверь из бездны» Е.Н. Чириков описывает судьбы родных братьев, оказавшихся в ходе братоубийственной войны во вражеских лагерях. Писатель не пощадил ни красных, ни белых, показав, как в безумное время Гражданской войны в человеке пробуждался инстинкт зверя. Роман вызвал полемику в эмиграции. В семейной хронике «Отчий дом» (1929) писатель размышлял о причинах катастрофы России 1917 г.

Нижегородский текст, его создатели – тема, которая продолжает привлекать все новых исследователей.

Список литературы

1. Белоногова В.Ю. Еще о нижегородском тексте у Пушкина // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности / отв. ред. В.Т. Захарова. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 132–139.
2. Богданова О.В. А.С. Пушкин : итоги Болдинской осени 1833 года // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 121–126.
3. Быстрова О.В. Горьковские «Заметки из дневника» и «Анекдоты из быта русской провинциальной жизни» как проекция нижегородского текста // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 301–307.
4. Дзюба Е.М., Янь Сызгинь. Художественный конфликт и уровни его воплощения в рассказе М. Горького «Нищенка» // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 312–320.
5. Догнал Й. Рассказ Е. Чирикова «Инвалиды» в контексте идейных поисков поколения рубежа XIX–XX веков // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 367–372.
6. Дубровская С.А. Смеховое слово в «болдинских текстах» А.С. Пушкина // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 126–132.

7. Есаулов И.А. Пасхальность Китежа // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 64–70.
8. Захарова В.Т., Иванова А.А. Визуализация урбанистического пространства в прозе Горького и живописи XIX – начала XX в. // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 353–367.
9. Ильченко Н.М. Муромские леса как основной фон действия повести М.П. Погодина «Васильев вечер» // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 117–120.
10. Оляндэр Л.К. Взгляды Павла Флоренского на мысль, язык и поэзию: их концептуальность и продуктивность // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 173–180.
11. Петрова Т.Г. Семён Франк о религиозном самосознании А.С. Пушкина // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 152–158.
12. Спиридонова Л.А. Дискурс Европа – Россия в рассказе Шмелёва «Родное» // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности. – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2019. – С. 208–213.
13. Троицкий В.Ю. Поэзия Пушкина последнего десятилетия жизни как выражение национального самосознания // Два века русской классики. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 16–61.
14. Чириков Е.Е. Остановленное время. – Киев : Каяла, 2016. – 159 с.